УДК 355.02:323.21

НЕЧАЕВ Д.Н., СЕЛИВАНОВА Е.С.

Международная безопасность России и проблема гражданского контроля над Вооруженными силами РФ: поиск баланса

Данная статья рассматривает аспект обеспечения международной безопасности России через призму реализации гражданского контроля над Вооруженными силами РФ. Детально проанализированы существующие формы гражданского контроля над армией, а также приведены алгоритмы реагирования военного и политического руководства страны на выдвигаемые предложения и требования со стороны субъектов гражданского контроля над военной организацией.

Ключевые слова: национальная безопасность, гражданский контроль, субъекты гражданского контроля, национальный суверенитет.

Необходимость обращения к проблематике сбалансированного участия гражданского общества в функционировании Вооруженных сил России продиктована прежде всего тем, что представители общественных инициатив, медиасообщества, равно как и широкие слои населения страны, заинтересованы, с одной стороны, в обеспечении международной безопасности России, поскольку «в начале XXI в. мир представляется довольно опасным местом, полном таких угроз и рисков новой эпохи, как глобальные террористические сети, дикие этнические войны, несостоятельные государства, региональные хулиганы, распространение оружия массового поражения и геополитическое соперничество»[1]. С другой стороны, состояние и развитие Российской армии как основного фактора обеспечения суверенитета страны невозможно без гражданского контроля за функционированием данного института.

На сегодняшний момент озабоченность состоянием системы Вооруженных сил России определяется рядом причин, на которые, в частности, указывают авторы «Доклада по актуальным проблемам участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации». Составители документа из числа представителей Общественной палаты России отмечают, что, с одной стороны, изменился фактический статус и структура Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, их функциональные возможности и качество воздействия на международные отношения России, на военно-политическую ситуацию в мире, на развитие общественных отношений внутри страны, результатом чего стало возрастание трудностей в реализации интересов России как во внутренней жизни общества, так и в отношениях с другими социальными системами и, как следствие, осложнение положения России в мировом сообществе, в решении международных вопросов. С другой стороны, по мнению авторов доклада, на сегодняшний момент в системе национальной безопасности России «сформировалась группа проблем, связанных с односторонним чиновничьим волюнтаризмом, неучетом ряда негативных социокультурных факторов, игнорированием обычаев и традиций российского общества»[2].

Следует особенно отметить, что заказ на подготовку такого рода доклада Общественная палата фактически получила впервые, что в определенном смысле само по себе является знаковым событием и указывает на востребованность со стороны политического руководства страны изучения проблематики участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности. При этом, осознавая потенциальную пользу интегрирования практик гражданского контроля, изначально присущих странам Запада, политическим руководством страны также осознается и наличие определенных угроз, исходящих от неограниченного гражданского контроля над Вооруженными силами России.

И в данном отношении определяющую роль играет не столько западное происхождение практик гражданского контроля, сколько исторически складывающаяся враждебность западной цивилизации, поскольку «отказ в экономической поддержке российских реформ, расширение НАТО на восток, бомбардировки Косово – эти и другие факторы свидетельствовали о том, что Запад не выражает готовности встретить возвращающуюся на «путь цивилизации» Россию с распростертыми объятьями»[3].

Что касается отношения населения к проблематике угроз, то она понятна, осязаема, в то время как отношение населения к гражданскому контролю над военной организацией затруднительно назвать однозначно положительным. Так, согласно данным социологического исследования, только 15% опрошенных граждан считают, что институты гражданского общества оказывают «определенно положительное влияние» на состояние национальной безопасности. При этом почти половина респондентов в это не верит, и 5% опрошенных вовсе полагают, что институты гражданского общества отрицательно влияют на национальную безопасность[4].

Вместе с тем обозначенные экспертами в докладе проблемы, подтачивающие военную организацию изнутри, не могут не определять необходимость становления эффективных форм общественного и гражданского контроля в военной сфере. Как отмечают эксперты, идею гражданского контроля над Вооруженными Силами не могло «игнорировать и само Минобороны России, руководство которого [еще в лице бывшего министра обороны А. Сердюкова] как объект контроля меньше всех заинтересовано в осуществлении подобного надзора»[5].

При этом следует иметь в виду, что гражданский или общественный контроль над Вооруженными силами дополняется и другими значимыми формами контроля. К числу основных существующих форм контроля над военной организацией российский исследователь М. Гацко, в частности, относит следующие: *государственно-политический, парламентский контроль* и *гражданский контроль*[6]. В соответствии с данным подходом под государственно-политической формой контроля понимается надзор за военной организацией государства со стороны официальных структур государственной власти. Гражданский контроль понимается значительно шире, чем государственно-политический, при этом стержневую основу его, согласно подходу М. Гацко, составляет парламентский контроль. Непосредственное осуществление гражданского контроля возлагается на такие общественные институты, как общественные объединения, правозащитные организации, профессиональные союзы военнослужащих, ветеранские организации, средства массовой информации, и самих граждан.

Как отмечает Ю. Хабермас, «объединенные интересы граждан общества или коллективный этос граждан государства сменяются здесь кооперативными поисками совместного решения проблем»[7]. Иными словами, государство и гражданские инициативы нацелены на поиск эффективного алгоритма деятельности института Вооруженных сил, в силу этого серьезный потенциал эффективной реализации форм гражданского контроля имеют и общественные, экспертные советы, и комиссии при министерствах и ведомствах, реализующих «отраслевые политики» силового блока. Так, в частности, перед обновленным Общественным советом при Минобороны РФ главой военного ведомства С. Шойгу поставлена задача по формированию консолидированной общественной позиции, посредством которой граждане России имели бы возможность

понимать и поддерживать ключевые новые проекты минобороны.

Таким образом, перед Общественным советом военного ведомства встает необходимость не только способствовать разрешению назревших болевых вопросов военной организации, но и укреплять авторитет института армии и военнослужащих в сфере широкого общественного мнения. Такая задача поставлена перед 52 членами Общественного совета, входящими в шесть комиссий и две группы для общественной экспертизы проектов законов и иных актов, связанных со службой в армии[8].

В инфраструктуру экспертно-аналитических общественных объединений при силовых ведомствах также входит и общественный совет при председателе Военно-промышленной комиссии Д. Рогозине. Перед этим объединением, в свою очередь, ставится задача по формированию общественного мнения и популяризации «оборонных знаний». Общее количество членов совета составляет 60 человек, в число которых входят руководители оборонных предприятий, аналитических центров, ректоры профильных университетов, академики, редакторы средств массовой информации[9].

По большому счету, общественные советы и комиссии при военных министерствах и ведомствах являются полноценными субъектами гражданского контроля над Вооруженными силами России. При этом сам факт их появления можно расценивать и как своего рода уступки обществу со стороны государства, а «уступки, сделанные сильным правительством, принимаются с благодарностью и признательностью»[10].

Вместе с тем, российские исследователи с учетом российской специфики выделяют несколько групп субъектов гражданского контроля. Так, в частности, А. Цымбалов выделяет следующие группы субъектов гражданского контроля: *административного, представительного* и *общественного контроля*[11]. По мнению исследователя, представительный (или парламентский) контроль должен стать наиболее действенным элементом системы гражданского контроля.

Таким образом, понятие гражданского контроля трактуется значительно шире понятия общественного контроля, который, в свою очередь, может быть представлен общественными организациями, объединениями, движениями и их конкретными представителями, в круг задач которых как раз и входит осуществление непосредственной связи гражданского общества с военной организацией государства.

При этом в задачи гражданского контроля, который, по мнению российского исследователя, значительно шире общественного контроля, входит «утверждение демократических принципов и норм выработки военной политики государства; выработка решений и рекомендаций, направленных на укрепление обороноспособности страны, повышение в обществе престижа Вооруженных сил; обеспечение органов государственной власти и общественности надежной, достоверной и оперативной информацией о соответствии Вооруженных сил Конституции, законам государства, нормам международного права, реально складывающейся военно-политической обстановке в мире; предотвращение бесконтрольного или нерационального расходования ресурсов и средств, выделенных на оборону и обеспечение безопасности государства; создание условий, исключающих возможность использования ВС РФ в интересах отдельных групп лиц, партий, общественных или иных объединений; выявление и предупреждение ситуаций, связанных с ущемлением прав личности в Вооруженных силах, деформациями в военно-гражданских отношениях; защита прав и интересов военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, гражданского персонала армии и членов их семей»[12].

Как отмечает А. Энциони, «здоровое общество требует создания и поддержания ... такого социального порядка, который всеми людьми рассматривается как легитимный и признается таковым не только на момент его создания (как полагают сторонники неограниченных свобод, ставящие во главу угла общественный договор)»[13]. Соответственно обширный спектр задач, решению которых должен способствовать гражданский контроль, предопределяет достаточно широкую трактовку этого понятия как такового. Анализируя существующие подходы российских исследователей, следует обратить внимание, что

гражданский контроль над военной организацией государства не понимается исключительно как контроль гражданских лиц над лицами военными.

Напротив, это понятие имеет значительно больший объем. Более того, в соответствии с позицией российского исследователя Л. Певень, гражданский контроль следует понимать в широком и в узком смыслах. Так, в узком смысле, по мнению исследователя, гражданский контроль над армией как социально-политический процесс предполагает «рассмотрение проблем характера и форм взаимодействия гражданского общества с правовым государством в целом, федеральными и местными органами власти»[14].

Под гражданским контролем над Вооруженными силами в широком смысле понимается «система принимаемых государственными и общественными институтами мер, обеспечивающая соответствие организации и деятельности Вооруженных сил Конституции РФ, федеральным законам, иным законодательным актам, указам и распоряжениям Верховного Главнокомандующего, основным направлениям концепции национальной безопасности, военной политики и военной доктрины, планам строительства Вооруженных сил, федеральным программам вооружения и развития оборонного промышленного комплекса, а также международным договорам в области обороны и безопасности»[15].

Таким образом, краеугольным камнем стратегического видения гражданского контроля над военной организацией следует считать прежде всего концептуальные документы военного строительства, в том числе "Концепцию внешней политики Российской Федерации", Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Военную доктрину Российской Федерации, а также соответствующие нормативные правовые акты Российской Федерации[16]. Согласно проекту «Концепции внешней политики РФ», разработанной МИД РФ по указанию президента, Россия «видит себя островом стабильности во «все более труднопредсказуемом» и «турбулентном» мире, а главным приоритетом внешней политики считает постсоветское пространство»[17].

Заслуживают также внимания и финансовые аспекты военной организации страны. В соответствии с Государственной программой вооружений на 2011–2020 годы упор в военных закупках по-прежнему делается на стратегические ядерные вооружения. Всего в рамках программы на оружие будет потрачено 19 трлн. рублей, что практически в четыре раза больше, чем в рамках предыдущей программы[18]. Следует также отметить, что финансовые показатели экспортных контрактов на поставки оружия весьма высоки. Только по итогам 2012 года суммарные поставки оружия превысили 15 млрд. долларов, объем полученных средств от уже совершенных сделок составил рекордные 14 млрд. долларов[19].

Логично предположить, что колоссальные объемы финансирования военной организации в силу своей коррупциогенности предполагают серьезный гражданский контроль. Вместе с тем, как справедливо отмечают авторы «Доклада по актуальным проблемам участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации», 40% статей и видов расходов бюджета на оборону страны засекречены для депутатов Государственной Думы. Иными словами, парламентский контроль, остающийся в соответствии со статьей 94 Конституции РФ основным элементом гражданского контроля, над Вооруженными силами весьма затруднен.

Говоря об эффективной реализации форм гражданского контроля над военной организацией, представляется обоснованным обратиться к признакам эффективного гражданского контроля. На основе анализа опыта реализации гражданского контроля над военными организациями других стран российские исследователи выделяют целую систему признаков, ключевыми элементами которой являются следующие аспекты: 1) политический нейтралитет Вооруженных сил, специальных служб и правоохранительных ведомств, их отказ от самостоятельной политической роли; 2) формирование отношений Вооруженных сил и государственного руководства на основе

определенных законом норм и процедур; 3) подготовка принципиальных решений, (касающихся использования Вооруженных сил, стратегических и доктринальных вопросов военного строительства, финансирования оборонных нужд, назначений высших должностных лиц) с участием военного руководства и их принятие высшими институтами исполнительной и законодательной власти; 4) выступление гражданских властей и институтов в качестве арбитров при разрешении конфликтов, возникающих в военной среде по вопросам, имеющим не сугубо военный характер; 5) обеспечение максимальной открытости и информирования общественности относительно положения дел в армии, ОПК и всей военной сфере, а также недопустимость использования режима секретности для сокрытия от общества негативных явлений в военной среде; 6) осуществление гражданского контроля не только со стороны государства, но и со стороны общества посредством укрепления взаимосвязи армии и общества, отношения к общественному мнению как к фактору, положительно влияющему на положение дел в Вооруженных силах[20].

По большому счету, основа гражданского контроля над армией в демократических режимах имеет схожую основу. Как справедливо отмечает российский исследователь А. Арбатов, в демократических странах политический контроль над военной организацией и военной политикой зиждется на трех «китах». Прежде всего это контроль и участие законодательной власти в военной политике и военном строительстве. Второй необходимый компонент – утверждение института гражданского министра обороны. И, наконец, третий важный сегмент – это открытость информации, допуск прессы и общественных организаций к жизнедеятельности Вооруженных сил и других силовых структур[21]. Совокупность данных компонентов формирует основу для идеально-типического представления о гражданском контроле над военной организацией в демократическом режиме. Однако такая модель, безусловно, требует дополнений и оговорок в отношении объективной необходимости ограничивать гражданский контроль над сферой, отвечающей за национальную безопасность государства.

В конечном итоге анализ проблематики гражданского контроля над армией, по нашему мнению, выходит на два важных направления. Прежде всего это установление пределов проникновения гражданского контроля в деятельность военной организации, а также степень его политизированности. Продолжая рассмотрение данной проблематики, будем исходить из рабочей гипотезы о том, что *эффективность реализации гражданского контроля, в конечном итоге преследующего цели укрепления обороноспособности национального государства и гармонизации взаимоуважительных отношений армии и общества, напрямую зависит от нахождения баланса в установлении пределов проникновения гражданского контроля в сферу военной организации и адекватности реакции военного руководства на инициируемые субъектами гражданского контроля предложения и требования.*

Остановимся подробнее на первом аспекте, касающемся установления пределов проникновения гражданского контроля в деятельность военной организации. Российскими исследователями прежде отмечалось, что вследствие развития военного профессионализма гражданский контроль обрел две формы: *субъективную* и *объективную*. При этом в сущности обе формы преследуют одну и ту же цель, заключающуюся в максимальном усилении гражданской власти по отношению к власти военных структур и устранении влияния военных на политику[22].

Вместе с тем, как справедливо отмечают авторы доклада «Военное строительство и модернизация Вооруженных сил России», при субъективном гражданском контроле речь идет не о гражданском контроле вообще, а о контроле определенных политических групп, чаще всего исполнительной и законодательной власти. При объективном же гражданском контроле, по убеждению его сторонников, достигается наибольшее снижение влияния армии в обществе в силу того, что армия становится политически стерильной и нейтральной по отношению ко всем участникам политической борьбы. Соответственно лозунг гражданского контроля перестает быть лозунгом, маскирующим групповые политические интересы, и

поднимается до уровня аналитической концепции, способной в равной мере соблюсти интересы всех социальных слоев общества[23].

Данный подход к двум формам гражданского контроля в свое время был сформулирован еще С. Хантингтоном. Американский политолог указывал на то, что «вмешательство военных в политику представляет собой антитезу объективного контроля: гражданский контроль уменьшается по мере того, как увеличивается участие армии в институциональной, классовой и конституционной политике. Субъективный контроль, напротив, предполагает такое вмешательство. Суть объективного гражданского контроля предполагает признание автономности военного профессионализма; суть субъективного гражданского контроля заключается в отрицании независимости военной сферы. <…> Субъективный гражданский контроль достигает своих целей путем навязывания военным гражданских ценностей, превращая армию в зеркало государства. Объективный гражданский контроль добивается своих целей путем милитаризации армии, превращая ее в инструмент государства»[24].

Вышеобозначенные подходы в той или иной степени касаются степени политизированности гражданского контроля над армией и политизированности самой армии. И возвращение к данному вопросу неизбежно в силу того, что в новейшей истории имеется немало примеров злоупотребления мобилизационным военным потенциалом. В истории постсоветского государства таким примером следует считать создание Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и дальнейшие связанные с ним события. В состав ГКЧП на тот момент вошли руководители двух ведомств – КГБ и МВД, в распоряжении которых имелись более чем достаточные силы для задержания и изоляции потенциальных политических противников действующего режима[25]. Таким образом, силовой блок был мобилизован на решение политической задачи.

Разумеется, рассматриваемая ситуация была в вышей степени критической. Однако для государства и общества в целом, «для того чтобы ни у военных, ни у злонамеренных политиков не возникло соблазна нарушить «правила игры», использовать армию и другие силовые структуры ради противозаконного захвата или удержания власти, эти вооруженные институты должны находиться над контролем общества, который осуществляется через соответствующие государственные структуры согласно принятым законам»[26]. Соответственно немаловажными в данном отношении следует считать существующие и действующие нормы, в том числе касающиеся и гражданского контроля над военной организацией.

Отечественными исследователями не раз отмечалось, что данный вопрос в отношении становления гражданского контроля над армией для российской практики является едва ли не первостепенным. Так, в частности, исследователь А. Волеводз указывает на то, что к настоящему времени в России сложилось своеобразное положение в области гражданского контроля над Вооруженными силами, поскольку в Конституции РФ, в Федеральном законе «Об обороне» и других нормативных правовых документах содержатся положения, соответствующие общепринятым в демократических странах нормам гражданского контроля над Вооруженными силами со стороны двух из трех ветвей власти – исполнительной и судебной. Вместе с тем полномочия других субъектов гражданского контроля либо серьезно урезаны, как в случае с законодательной властью, либо, как в случае с общественным и партикулярным контролем, вовсе должным образом не урегулированы [27].

Более того, давая оценку уровню становления гражданского контроля над Вооруженными силами в России на момент 2006 года, исследователь отмечал, что «парадоксальным является сам факт отсутствия в действующем законодательстве даже намека на понятие «гражданский контроль» и возможность его осуществления над военной организацией страны. Это порождает развитие между гражданским обществом и представителями военной организации России конфликтов и противоречий, которые явно не способствуют укреплению и поддержанию обороноспособности страны»[28].

Таким образом, вопрос правового регулирования сферы гражданского контроля над военной деятельностью является весьма значимым. И в данном отношении представляется важным как создание законодательных основ в целях профилактики борьбы с коррупционными и должностными преступлениями, так и контроль за соблюдением прав и свобод самих военнослужащих, поскольку, как отмечают эксперты, «вопрос достоинства нации напрямую связан с достоинством человека в военной форме – не важно, рядовой он или офицер»[29].

Вместе с тем такой контроль должен иметь существенные ограничения, о чем уже отмечалось выше. И в данном отношении представляется необходимым также учитывать, что проблематика общественного или гражданского контроля над Вооруженными силами является предметом ведения не только отечественных общественных структур, представителей медиасообщества и основных социальных групп Российской Федерации, но и представителей такого спектра, как зарубежные неправительственные организации, средства массовой информации и экспертное сообщество. И в данном случае проблематика общественного контроля в национальном государстве может быть определенной игрой разных политических акторов на международной арене.

При этом следует иметь в виду, что на протяжении последних двадцати – двадцати пяти лет рядом российских неправительственных организаций активно манипулировали политические силы на международной арене, которые были заинтересованы в ослаблении обороноспособности Российской Федерации. В данной связи это становилось предметом исследований. Так, к примеру, значительное количество работ по российскому неправительственному сектору было написано Общероссийской общественной организацией «Комитет солдатских матерей России» (в настоящее время Союз комитетов солдатских матерей России (СКСМ). В данном отношении существуют основания полагать, что сложившаяся система международных грантов, посредством которой стимулировалась подготовка значительного количества таких исследований, не могла не учитывать интересов определенных акторов на международной арене.

Учитывая данные обстоятельства, следует обратить внимание и на такой аспект, как уровень профессиональной подготовки субъектов и лиц, осуществляющих гражданский контроль над Вооруженными силами. В данном отношении важен системный подход к разработке и реализации программ профессиональной подготовки заинтересованных сторон. И одним из первых шагов в данном направлении могла бы стать разработка курса по обучению эффективному менеджменту направлений гражданского контроля над военной деятельностью для руководителей неправительственных организаций и представителей гражданских инициатив. Не станут лишними специальные программы и курсы для представителей медиасообщества, ориентированные на реабилитацию понятий гражданской и социальной солидарности в силу того, что космополитично ориентированная часть медиапространства способствует вымыванию ценностей патриотизма и социальной солидарности. А если учитывать, что постмодернизационное общество «меняет характер базовых норм политической, трудовой, религиозной, семейной, половой жизни»[30], то программы, ориентированные на духовно-патриотическое воспитание, военную историю Российского государства, могли бы стать весьма востребованными.

Соответственно логично предположить, что при наличии серьезной системы профессиональной подготовки субъектов гражданского контроля над военной деятельностью количество рациональных предложений и требований, выдвигаемых военному руководству страны, может существенно возрасти. Вместе с тем следует иметь в виду и то, что гражданский контроль над Вооруженными силами, оставаясь относительно новым явлением для функционирующих политических процессов в России, укладывается в то, что У. Бек в работе «Что такое глобализация?» назвал «космополитической демократией», отмечая, что она «основывается не только на опыте самопостижения гражданского общества, но и на транснациональной значимости основных прав»[31].

Кроме того, некоторые российские исследователи полагают, что навязывание

гражданского контроля над армией является неким проявлением «мягкой силы», одной из главных производных которой является – пропаганда элементов культуры государства, которые могут быть привлекательными для других. Чем сильнее страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами, тем выше ее удельный вес в мировой политике»[32].

Соответственно в системе «незападной» цивилизации навязывание гражданского контроля над армией может дать иной эффект, который может привести к дестабилизации тех элементов, которые поддерживают национальный суверенитет. Именно поэтому сама идея гражданского контроля над Вооруженными силами, безусловно, является позитивным явлением, вместе с тем в данном случае требуются серьезные ограничения и ориентация на понимание особенностей функционирования Российского государства и Вооруженных сил. Поэтому не все из политического наследия стран Запада, в частности, касающегося гражданского контроля над армией, следует реализовывать в России. Очень многие элементы нужно реализовывать постепенно, вырабатывая, с одной стороны, систему соответствующей профессиональной подготовки представителей субъектов гражданского контроля, с другой – систему и форматы адекватного реагирования со стороны военного руководства на конструктивные предложения и требования, исходящие от субъектов гражданского контроля.

На текущий момент идеализировать ситуацию по сбалансированию рациональных требований и адекватного реагирования пока что не представляется возможным. Вместе с тем руководство Вооруженных сил Российской Федерации, безусловно, должно адекватно и эффективно реагировать на требования, исходящие от гражданских инициатив, медиасообщества и тех или иных социальных групп. Исходя из анализа существующих практик деятельности российских Вооруженных сил в 90-х и 2000-х годах, можно говорить о том, что происходит оформление трех алгоритмов действий руководства Вооруженных сил и руководства страны на соответствующие требования.

Первый алгоритм предполагает немедленное реагирование и принятие решений по ряду вопросов, которые ослабляют Вооруженные силы и подрывают обороноспособность страны. К таким вопросам, в частности, относятся коррупция, проблемы со здоровьем военнослужащих, трудности и сбои с материально-техническим обеспечением. И если требования в рамках общественного контроля затрагивают данные вопросы, то решения по их устранению должны приниматься немедленно.

Иными словами, в отношении представителей генеральско-офицерского корпуса, обвиненных в коррупции, должно проводиться серьезное расследование с последующим отстранением от исполнения обязанностей. По фактам причинения вреда здоровью военнослужащих также необходима оперативная реакция со стороны руководства Вооруженных сил с проведением следственных процедур. Если же речь идет о поставках военной техники, инвентаря и прочего оборудования, то также необходимо оперативное реагирование, разбирательство и наказание лиц, отвечающих за данное направление.

В данном отношении нельзя обойти вниманием серьезный и продолжительный резонансный конфликт, связанный с бывшим министром обороны РФ А. Сердюковым и его деятельностью. На сегодняшний момент разбирательство по данному вопросу еще не завершено. Однако уже сегодня военные эксперты рассказывают о серьезных хищениях, в том числе и в «Оборонсервисе», связанных с продажей земель, акций, капитальных строений[33].

Второй алгоритм состоит в том, чтобы отправить выносимые в повестку дня вопросы на экспертизу. Со стороны руководства Вооруженных сил должно быть заверение о том, что требования субъектов общественного контроля, инициировавших постановку той или иной проблемы, будут переданы на экспертное рассмотрение. При этом в экспертные группы по рассмотрению поставленного вопроса будут привлечены гражданские лица – представители широкой общественности. И лишь после глубокого и всестороннего изучения проблемы с учетом письменных заключений нескольких экспертных групп поставленный вопрос либо передается руководству Вооруженных сил для принятия по нему решения, либо, наоборот, поставленная проблема отвергается.

Сходный алгоритм экспертного обсуждения бытового вопроса военной организацией был задействован в отношении решения министра обороны РФ С. Шойгу по отмене портянок. Комиссией Общественной палаты России по нацбезопасности была запущена «горячая линия» по опросу военных и членов семей военнослужащих о нововведениях в форме. Предусматривался также и объезд экспертами гарнизонов и воинских частей[34].

В рамках данного алгоритма возникает необходимость экспертного подхода прежде всего к заявлениям представителей правозащитных организаций. Так, в частности, Союз комитетов солдатских матерей России (СКСМ) на расширенном заседании Общественного совета при Минобороны потребовал увеличить денежное содержание для срочников, которые утилизируют боеприпасы и взрывчатые вещества[35].

И, наконец, третий алгоритм действий в ответ на требования гражданских инициатив, медиасообщества и иных социальных групп – это отторжение тех требований инициаторов, которые угрожают обороноспособности страны. В данном случае предполагается не только четкое заявление позиции руководства Вооруженных сил устами серьезных экспертов, но и обозначение в информационном пространстве страны данной проблемы как проблемы, имеющей опасность для обороноспособности страны.

По большому счету, руководство Вооруженных сил и руководство страны должны действовать в рамках трех алгоритмов реагирования на требования со стороны субъектов гражданского контроля, принимая, сортируя, систематизируя и передавая по тем или иным каналам вопросы для принятия решений.

---

[1] Куглер Р. Национальная безопасность в условиях глобализации хаотического мира: действия США и Европы / Р. Куглер // Геополитика: Антология. – М.: Академический Проект; Культура, 2006. – 1004 с. – С. 639–647. – С. 639–640.

[2] Доклад по актуальным проблемам участия гражданского общества в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации / Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по проблемам национальной безопасности, социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012. – 171 с. – С. 5–6.

[3] Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности / О.Ю. Малинова. – М.: РОССПЭН, 2009. – 190 с. – (Россия. В поисках себя...). – С. 151.

[4] Посланию президента добавили безопасности. В Кремль направлен доклад о влиянии гражданского общества на обороноспособность страны / Независимая газета. – 2012. – 03 декабря. – : http://www.ng.ru/politics/2012-12-03/1_safety.html (Дата обращения: 12.08.2013).

[5] Гацко М.Ф. Гражданский контроль над Вооруженными силами России / М.Ф. Гацко // Обозреватель-observer. – 2007. – №1. – С. 14–21. – С. 16.

[6] Там же.

[7] Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI / Юрген Хабермас; Пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Весь Мир, 2012. – 160 с. – С. 116.

[8] Общественники помогут минобороны. Шойгу позвал на совет / Российская газета. – 2013. – 26 апреля. – С. 3.

[9] У Рогозина появился общественный совет / Известия. – 2012. – 26 июля. – С. 3.

[10] Парето В. Социальные проблемы контроля / В. Парето // Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с. – С. 123–128. – С. 123.

[11] Цымбалов А. Что же это такое – гражданский контроль? / А. Цымбалов // Независимое военное обозрение. – 2006. – 11 февраля. – URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2006-02-10/4_control.html (Дата обращения: 12.08.2013).

[12] Там же.

[13] Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе / Амитаи Этциони // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с. – С. 312-334. – С. 321.

[14] Певень Л. Гражданский контроль над Вооруженными силами – важное звено в системе гражданско-военных отношений / Л. Певень // Российское военное обозрение. – 2008. – № 10 (57). – URL: http://www.coldwar.ru/rvo/102008/grajdanskiy-kontrol-nad-voorujennimi-silami.php (Дата обращения: 12.08.2013).

[15] Там же.

[16] **9 июня 1989 года** Съезд народных депутатов СССР, заслушав доклад Председателя Верховного Совета Михаила Горбачева, принял постановление «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». В нем говорилось о **необходимости «дальнейшего улучшения советско-американских отношений»** и участии в строительстве «общеевропейского дома». Особое внимание предлагалось уделить **дружественным отношениям с Индией** и развитию контактов с Латинской Америкой и Африкой.

23 апреля 1993 года Президент РФ Борис Ельцин утвердил новую «Концепцию внешней

политики РФ». Основной задачей ставилось **«налаживание устойчивых позитивных взаимоотношений со странами «ближнего зарубежья»** в целях преодоления дестабилизирующих дезинтеграционных процессов на территории бывшего СССР». Еще одним приоритетом называлось **«обеспечение за Россией роли в мировом балансе влияния,** соответствующей статусу великой державы».

28 июня 2000 года президент Владимир Путин утвердил свою «Концепцию внешней политики». В документе было заявлено, что «планы относительно установления новых, равноправных и взаимовыгодных партнерских отношений России с внешним миром», зафиксированные в концепции от 1993 года, «не оправдались». Первостепенной задачей называлось **«укрепление союза России и Белоруссии».** Одной из новых угроз считалась **«тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США».** Приоритетом внешней политики в Азии было заявлено **развитие дружбы с Китаем и Индией.** Важнейшими европейскими партнерами были названы Великобритания, Германия, Италия и Франция.

12 июля 2008 года президент Дмитрий Медведев утвердил новую редакцию «концепции». Вместо «великой» **Россия в ней впервые названа «крупнейшей евразийской державой».** В документе говорится о **«перспективе утраты Западом своей монополии на глобализационные процессы».** Построение Союзного государства с Белоруссией исчезло из списка приоритетов, которые **сместились в пользу ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС.** В документе также впервые **упоминается о «энергетической безопасности»** и отмечается, что РФ «**использует все имеющиеся в ее распоряжении экономические рычаги и ресурсы** для защиты своих национальных интересов».

Эволюция внешнеполитических концепций. История вопроса // Коммерсантъ. – 2012. – 14 декабря. – С. 1.

[17] Приход миссии. Россия нашла себе место в турбулентном мире: остров стабильности // Коммерсантъ. – 2012. – 14 декабря. – С. 1.

[18] Минобороны перешло от слов к 19 триллионам. Военные обнародовали свои покупки до 2020 года // Коммерсантъ. – 2011. – 25 февраля. – С. 7.

[19] Зато мы делаем миллиарды. Российского оружия на рынке меньше не становится – только больше // Коммерсантъ. – 2012. – 18 декабря. – С. 1.

[20] Волеводз А. Гражданский контроль почти не виден // Независимое военное обозрение. – 2006. – 21 апреля. – URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2006-04-21/1_control.html

[21] Арбатов А. Гражданский контроль над военной организацией: можно ли без погон управлять армией? / А. Арбатов // Безопасность: российский выбор. – М., ЭПИцентр, 1999. С. 104–122.

[22] Доклад Совета по внешней и оборонной политике «Военное строительство и модернизация Вооруженных сил России». – М., 2004. – 54 с. – С. 30.

[23] Доклад Совета по внешней и оборонной политике «Военное строительство и модернизация вооруженных сил России». – М., 2004. – 54 с. – С. 32.

[24] Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Belknap / Harvard, Cambridge, 1985. P. 83.

[25] См.: Леонов Н.С. Крестный путь России. 1991–2000 / Н.С. Леонов. — М.: Издательство «Русский Дом», 2002. — 528 с.

[26] Арбатов А. Гражданский контроль над военной организацией: можно ли без погон управлять армией? / А. Арбатов // Безопасность: российский выбор. – М., ЭПИцентр, 1999. С. 104–122.

[27] Волеводз А. Гражданский контроль почти не виден // Независимое военное обозрение. – 2006. – 21 апреля. – URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2006-04-21/1_control.html

[28] Волеводз А. Гражданский контроль почти не виден // Независимое военное обозрение. – 2006. – 21 апреля. – URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2006-04-21/1_control.html

[29] Кузьминов Я. Вопрос достоинства нации / Я. Кузьминов // Стратегия России. – 2006. – № 7. – С. 37–42. – С. 42.

[30] Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация / Роберт Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. – 640 с. – С. 261–292. – С. 263.

[31] Бек У. Что такое глобализация? / Ульрих Бек // Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с. – С. 163.

[32] Казаринова Д.Б. Феномен «мягкой силы». Стратегии мягкой силы в политике государств – членов двадцатки / Д.Б. Казаринова // свободная мысль. – 2011. – №3. – С. 187–200. – С. 189–190.

[33] Военный обозреватель КП Виктор Баранец: «Я не исключаю, что Сердюков вскоре приобретет статус обвиняемого» // Комсомольская правда. – 2012. – 6 декабря. – URL: http://www.kp.ru/radio/stenography/50408/ (Дата обращения: 12.08.2013).

[34] Общественная палата поборется за сохранение портянок // Известия. – 2013. – 23 января. – С. 2.

[35] Солдатские матери требуют отменить рабский труд срочников. Правозащитницы поднимут вопрос об увеличении оплаты труда солдат за утилизацию снарядов // Известия. – 2012. – 15 октября. – С. 7.